

УДК 821.222.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-226-234

ФОРМА ДИАЛОГА В СТРУКТУРЕ ПОЭМЫ «МАНЕЛИ» (1947) НИМА ЮШИДЖА

© Алексей Кузнецов

DIALOGUE FORM IN THE STRUCTURE OF NIMA YUSHIJ'S POEM "MANELI" (1947)

Alexei Kuznetsov

Nima Yushij's oeuvre is a crucial prerequisite to the emergence of modern type poetry in the Persian language. Studying his work is relevant for an Iranian philologist who strives to develop a holistic model of the literary process in modern Iran. Many facts, related to the achievements of the poet-innovator, have not been introduced into the scientific circulation and still remain beyond the research gaze. The elimination of such lacunas turns out to be a challenge of paramount importance for the experts in modern Iranian poetry. This article is devoted to the functional analysis of the dialogue form in one of Nima Yushij's famous poems named "Maneli". There are two characters (a sea maiden and a fisherman) who reflect on the conflict of material and spiritual principles in human life, and each of the characters acts as a personification of the opposing points of view. The artistic world of the poem is based on the 20th-century Iranian author's reinterpretation of Urashima Taro's ancient Japanese tale, which tells of the fateful meeting between a fisherman and a charming sea-dweller. The purpose of this study is aimed at identifying the poetic basis that determines the conceptual structure of the considered text and distinguishes it from previous Persian translations of the Japanese story. The analysis is carried out using the comparative-historical, structuralist and other literary methods. The analysis has revealed the predominance of lyrical features over narrative ones in the poem, which result from the author's realization of the borrowed material in the patterns of the Persian classical genre of debate (*munazara*) and the exchange of monologues in the medieval Iranian love-romance epic. The form of dialogue in the poem "Maneli" is the main vector of its lyrical plot movement. The semantic organization is conveyed with the creative strategy of "free 'aruz'", developed by Nima Yushij as his own creative "know-how". The ideological concept of 'Maneli' appears similar to the poet's early work, the manifesto of "new poetry" in Iran (i.e. 'Afsane'), and the artistic structure of the former demonstrates the evolution of their author's creative manner.

Keywords: Nima Yushij, "Maneli" dialogue form, "new poetry" in Iran, "free 'aruz'"

Наследие Нима Юшиджа является ключевой вехой в становлении поэзии современного типа на персидском языке. Актуальность изучения его творчества для отечественного ираниста-филолога обусловлена стремлением разработать целостную модель литературного процесса в современном Иране. Многие факты, связанные с достижениями поэта-новатора, практически не введены в научный оборот и до сих пор остаются за гранью исследовательского взора. Устранение подобных лагун оказывается задачей первостепенной важности в работе специалистов по изучению современной иранской поэзии. Данная статья посвящена функциональному анализу формы диалога в одной из известных поэм Нима Юшиджа – в «Манели». В произведении два персонажа (морская дева и рыбак) размышляют о конфликте материального и духовного начал в жизни человека, и каждый из героев выступает олицетворением противоположных точек зрения. Художественный мир поэмы основан на переосмыслении иранским автором XX века старинной японской сказки об Урашима Таро, повествующей о роковой встрече рыбака с обворожительной обитательницей морских глубин. Цель настоящего исследования заключается в выявлении поэтической основы, определяющей концептуальное строение рассматриваемого текста и отличающей его от предыдущих переложений японского сюжета на персидском языке. Анализ выполнен с применением сравнительно-исторического, структуралистского и иных литературоведческих методов. Анализ показал преобладание в поэме лирического начала над нарративным, что стало результатом авторской обработки заимствованного материала в духе традиции персидского классического жанра прений (*munazara*) и обмена монологами в средневековом иранском любовно-романическом эпосе. Форма диалога в поэме «Манели» является ключевым вектором движения ее лирического сюжета. Семантическая организация выражена с помощью творческой стратегии «свободного 'аруза», разра-

ботанной Нима Юшиджем как собственное творческое «ноу-хау». Идейный замысел «Манели» оказывается близок раннему сочинению поэта, манифесту «новой поэзии» в Иране – «Афсане», а художественная структура поэмы демонстрирует эволюцию творческой манеры их автора.

Ключевые слова: Нима Юшидж, Манели, форма диалога, «новая поэзия» в Иране, «свободный ‘аруз’»

Для цитирования: Кузнецов А. Форма диалога в структуре поэмы «Манели» (1947) Нима Юшиджа // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2024. № 3 (77). С. 226–234. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-226-234

Введение

В истории новой персидской литературы Нима Юшидж (1897–1960), по меткому выражению его ученика, Ахмада Шамлу (1925–2000), стал известен как «отец новой поэзии» Ирана¹. Такой «титул» свидетельствует, что наследие поэта-новатора стало краеугольным камнем в процессе становления современного типа художественного сознания² в поэзии Ирана. Этот вектор поэтического мышления оказался направлен на поиск оптимальных художественных решений, отражающих специфику индивидуально-авторского замысла. В своих экспериментаторских исканиях, касавшихся стихотворной формы и поэтического языка, творческий гений поэта стремился к уникальности конструируемых им художественных миров. Оригинальность его творческого замысла обрела воплощение в авторской поэтике «свободного ‘аруза’»³.

Поэма «Манели», написанная автором в 1947 г. и изданная благодаря стараниям Абу-л-Касема Дженнати Этай (1911–1993), друга Нимма, спустя десять лет в 1957 г. в [10], является одним из ярких примеров контакта двух литератур – японской и персидской, в ходе которого перенос содержательных элементов из «донорской» словесной традиции заключался в их авторской обработке на базе семиосферы литературы-акцептора⁴. Настоящая статья продолжает начатое рассмотрение художественных стратегий, воплощенных в тексте данного произведения: от

компаративного изучения проблемы необходимо перейти к анализу структурной организации поэмы. Цель исследования – выявление механизмов, обеспечивающих творческую адаптацию заимствованного (иначе, «готового») художественного материала в русле индивидуально-творческого поэтического мышления. В фокус нашего внимания помещен диалог двух персонажей поэмы – морской красавицы и рыбака, который является ключевым компонентом ее лирического сюжета. Задача исследования сводится к функциональному изучению диалогической формы взаимодействия между персонажами, образующей фундамент идейной конструкции поэмы.

Иранские литературоведы обращали внимание на разные аспекты рассмотрения поэмы «Манели». С. Хамидиян в своей монографии упомянул ее в ряду произведений, сложенных наподобие ранней поэмы Нима «Афсане» (1922) в русле драматических диалогов (*diyāloghā-ye natāyeši*) [6, с. 50], и, пересказав сюжет, сравнил ее с произведением Э. Хемингуэя «Старик и море» (1952) [Там же, с. 238–239]. Отметим специалисты и мифолого-символическую природу ее художественного мира [6, с. 237], [7], [8]. Отрывки из текста поэмы использовались учеными и как материал для лингвопоэтического изучения стиля Нима Юшиджа [6, с. 313–322], [9, с. 141–162]. В отечественной иранистике единичные упоминания о поэме имеются лишь в обзорных работах (см. напр.: [1, с. 335–336], [4, с. 91]). Научная новизна нашей статьи определяется фактической неизученностью поэмы в отечественной науке. Кроме того, предлагается особый ракурс ее рассмотрения – функциональный анализ формы диалога как художественной основы данного произведения.

Происхождение сюжета

Изучение поэмы «Манели» невозможно без рассмотрения истории ее сложения, которая непосредственно связана с появлением персоязычного переложения японской сказки о рыбаке Урашима Таро. Об этом Нима Юшидж свиде-

¹ См., например, в заголовке работы [1], а также «отец нашей новой литературы» в предисловии Ахмада Шамлу (1925–2000), ближайшего ученика Нима Юшиджа, к поэме «Афсане» (1922) [2, с. 1–14].

² о д «современным» мы имеем в виду индивидуально-творческий тип художественного сознания. См. подр.: [3, с. 32–38].

³ ‘Аруз – квантитативная система стихосложения, сформировавшаяся в арабской, персидской и других производных от них поэтических традициях. Термин «свободный ‘аруз’» был введен ар визом Нателем Ханляри (1914–1990) для обозначения метрической модификации, обнаруживаемой в поздних стихотворениях Нима Юшиджа. См. подр.: [4, с. 40–43].

⁴ Об этом см. подр.: [5].

тельствует в письме своему другу и издателю, Абу-л-Касему Дженнати Этאי:

«Замысел этой истории созрел у меня <...> [еще] до [издания] перевода «Урашимы», подготовленного одним из моих друзей (Садеком Хедаятом. – А. К.). <...> [И] мне захотелось посвятить ему [мою версию] истории (*dāstān*). <...> о скольку в этих стихах подразумевается имя [моего друга], <...> я проделал большую работу, чтобы [поэма] получилась как можно лучше и достойнее <...>. о сути <...> я слагаю ответ на «Урашиму» моего друга. Тот, кого уже теперь нет с нами, был среди всех моих друзей-соотечественников самым блестящим на литературном поприще» [10, с. 1–2] (здесь и далее перевод наш⁵. – А. К.).

Дженнати Этאי в своем издательском предисловии отмечает:

«„Урашима“ – название японской истории, которая была переложена на живые языки мира и, очевидно, в Иране впервые переведена Садеком Хедаятом и напечатана в первом номере журнала „Сохан“ (*дей* 1323/декабрь 1944). Сама история „Урашимы“ <...> [изложена] в книге „Урашима“ М. Такамату-Йошэ, преподавателя токийского университета Васэда (издано в 1922, в ариже)» [Там же, с. 6–7].

Как явствует из слов издателя, переложение, о котором идет речь, было подготовлено имени-тым иранским литератором Садеком Хедаятом (1903–1951) и опубликовано в одном из номеров известного литературного журнала того времени «Сохан»⁶. поэма «Манели»⁷ стала своего рода «памятником» Садеку Хедаяту, ушедшему из жизни в 1951 г., и в ней заключены переживания Нима Юшиджа о непростой судьбе своего собрата по перу.

⁵ о скольку ряд источников по теме не были переведены на русский язык, то соответствующие фрагменты из оригинальных персоязычных сочинений приводятся в переводе автора статьи, если не указано иное. р и каждом переведенном отрывке приводится ссылка на персидский источник.

⁶ Обстоятельства знакомства Хедаята с данным сюжетом требуют дальнейшего изучения, однако выскажем предположение, что писатель мог действовать через французское посредничество в русле тех же творческих исканий, которые были свойственны и для представителей западного и русского романтизма, интересовавшихся родным и зарубежным фольклором (подобно братьям Гримм, А. С. Пушкину и др.)

⁷ В названии поэмы значится мужское имя собственное табаристанского (мазендеранского) происхождения [11, с. 902]. р ичина, по которой автор выбрал данное имя для своего героя, также пока что остается под вопросом.

Дженнати Этאי также указывает на компаративный характер проблемы:

«Если мы хотим посмотреть на проблему с точки зрения сравнительного литературоведения, то проведем аналогию между „Урашимой“ и <...> произведениями Ганса Христиана Андерсена или Оскара Уайлда соответственно, но тогда мы коснемся аспекта, который находится вне нашей темы. о этому от „Морской жемчужины“ Андерсена и „Рыбака и его души“ Уайлда мы обратимся к „Манели“ и напомним: как знает уважаемый читатель, в мировой литературе темы, которые были бы абсолютно новыми, практически отсутствуют, и все художественные и литературные произведения имеют источник, который можно найти в наследии прошлых эпох. <...> Заинтересованный читатель из сравнения „Урашимы“ и „Манели“ обнаруживает, что их „скелет“ одинаков, с той разницей, что иранский двойник сделан не „кожи желтого цвета“, а его „мясо“ вкуснее и более искусно приготовлено» [10, с. 8–9].

Сюжет исходной японской сказки построен на мифологеме русалки. Известны две версии этой истории, одна из которых повествует о рыбаке Урашиме Таро [12, с. 550], а вторая (под заголовком «Лазоревый кувшинчик») – о рыбаке по имени Масария [13, с. 98–102]. ри ряде отличий в деталях сюжетная линия обеих реализаций сводится к одной и той же совокупности мотивов, возводящих обе сказки к единому инварианту: (1) отправившийся в море на промысел рыбак оказывается настигнут штормовой стихией; (2) рыбака соблазняет красавица, повелительница моря; (3) рыбак покидает морскую красавицу, получив от нее в качестве сувенира шкатулку/кувшинчик, которые не дозволено открывать; (4) по возвращении домой рыбак обнаруживает, что за время его пребывания в гостях у красавицы прошла череда времен; (5) послушавшись запрета, рыбак открывает подарок красавицы, из-за чего погибает.

рактически все сюжетные компоненты этой истории нашли отражение и в поэме «Манели». Стоит отметить, что Нима Юшидж намекнул на японский источник в самом тексте поэмы:

«Она сказала ему: „Ты стойко вынес все тяготы пути,

Человек! Что привело тебя сюда?

В глубину этой мрачной ночи, в которой

ы ль лунного света лишь осадок на дне *лазорево-го кувшинчика* (*minā*)?» [10, с. 25] (здесь и далее курсив наш. – А. К.).

⁸ В оригинальном тексте поэмы использован термин «*minā*», который обозначает народный иранский промысел по эмалевой росписи металлических изделий (в том числе, тарелок, кувшинов и т. п.).

Система персонажей в поэме «Манели»

В упомянутом ранее письме Нима Юшиджа признается: «<...> похожие истории на основе этого сюжета в разных вариациях можно найти в мировой литературе. Я не первый, кто рассказал историю о морской красавице (*pari-ye daryāyi*) <...>. Я лишь хотел воплотить свои мысли в этом образе» [Там же, с. 1–2]. Обрисуем, чем мог быть привлекателен данный образ Нима Юшиджа и какое осмысление он мог предложить для него.

В поэме «Манели» морская красавица⁹ – это одно из двух действующих лиц. Девушка соблазняет рыбака как своей красотой, так и (что особенно важно) своими чарующими речами. Описание ее внешности в поэме сложено в традиции классических персидских стихов в жанре *васф*, включающих перечисление «феноменов красоты»¹⁰:

«Все ее тело было обнажено
А капли [воды] на нем среди пучины горели огнем,
Свечой она [горела] с ног до головы,
На плечах косы,
Морская трава,
Свисая с плеч, покрывала ее тело. <...>
Стан свой она весьма *соблазнительно* украсила,
Ноги ее под водой,
Тело ее в облаке лунного света над водою.
На груди ее пылали гранатово-огненные соски,
<...>
Со вздохом она начала свою речь,
Из ее *сладких* уст полились все более *обольстительные* слова...» [Там же, с. 24–25, 49].

В оригинальном тексте этот персонаж представлен рядом традиционных для описания возлюбленной синонимичных номинаций: «*delfaribande-ye daryā*» (букв. ‘морская соблазнительница’) [Там же, с. 24], «*mahrpāre-ye daryā*» (букв. ‘луноликая красавица из моря’) [Там же, с. 26], «*delnavāzande-ye daryā*» (букв. ‘морская очаровательница’) [Там же, с. 27, 33, 58, 72], «*jānāne-ye daryā*» (букв. ‘морская любовница’) [Там же, с. 31], «*nāzparvarde-ye daryā*» (букв. ‘морская прелесть’) [Там же, с. 39], «*māye-ye ra ‘nāyi*» (букв. ‘исток изящества’) [Там же, с. 62], «*parirū*» и «*pari peykar*» (букв. ‘периликая’ и

‘красавица-пери’) [10, с. 67 и 75] и др.¹¹ Номинация *pari* связывает этот образ с классическим иранским топосом обольстительницы-*пери*¹². Его происхождение отсылает к зороастрийской мифологии Авесты, где эти существа названы *паурика* [15, с. 452]. В классическую эпоху архетип *пери* продолжил свое развитие в качестве художественного образа, и он частотно обнаруживается в персидской классической словесности. Длительная история бытования образа привела к череде его семантических трансформаций. В итоге образ *пери* вместил представления о широком спектре волшебных существ, способных творить и добро, и зло (об этом см. подробнее [16, с. 141–153]). Одним из видов таких существ могли быть и водяные женские духи.

О *морских девах* (а точнее, о «водяных невестах» – «*‘arusān-e ābi*»), искушавших пением легендарного *Искандера Зу-л-Карнайна* (исторический прототип – Александр Македонский)¹³ и его команду моряков, рассказывает в «Искандернаме» Низами Гянджеви (1141 или 1147–1208):

«Шла такая молва о том море глубоком,
Что берег у моря в этом месте чудесный:
Девы морские, слово солнце и месяц,
Каждую *ночь* выходят на то побережье,
На берегу они отдыхают,
ес ни поют и игры играют.
Тот, кто услышит музыку их,
Разум теряет от неги их голосов.
Много стихов поют в этом море,
Как никто не пел ни в одном размере.
Каждую *ночь* так в углу [среди] гор,
р едается веселью большая [их] стая.
о чувяв же запах мускуса утра,
Они ныряют в глубокую воду» [18, с. 493] (перевод Е. Э. Бертельса и А. К. Арендса).

«Водяные невесты» напоминают образы прекрасных сирен и ундины, которые выступают либо в облике девушек-птиц [12, с. 438], либо в облике девушек с рыбьим хвостом [Там же, с. 548–549] соответственно. Самое раннее упоминание можно найти о них в «Одиссее» Гомера, где герой смог спасти себя и свою команду от чар сирен благодаря своему хитроумию [19, с. 210–216]. Ключевым компонентом данного мифологического образа является соблазнительно слад-

⁹ Образ морской красавицы не исчерпал своего творческого потенциала и для учеников Нима Юшиджа. Так, например, он вновь возникает в известном стихотворении классика «новой поэзии» Ирана Сохраба Сепехри (1928–1980) «За морями» («*Pošt-e daryāhā*»).

¹⁰ См. подр.: [14].

¹¹ р и перечислении номинаций здесь и далее приводятся номера страниц, где читатель, владеющий персидским языком, может найти эти примеры.

¹² С. Хамидиян отмечает идейную связь образов *пери* из одноименного стихотворения Нима Юшиджа («*Pariyān*», 1940) и морской девы из поэмы «Манели» [6, с. 239].

¹³ Об этом см. подробнее [17, с. 78–79].

кий голос, приводящий слушающих к потере рассудка¹⁴.

Образ морской красавицы в поэме Нима Юшиджа содержит ряд этих традиционных сказочно-мифологических компонентов: она – потустороннее существо *peri* (трансцендентная природа персонажа подчеркнута номинацией «*xīyūā*», букв. ‘видение, призрак; фантазия’ [10, с. 24–25, 55]), обитающее в подводном царстве (с этим связана номинация «*doxtar-e pādešāhe*», букв. ‘царевна’ [Там же, с. 26], отсылающая к японскому источнику). Героиня в «Манели» наделена сладкоречием, благодаря чему рыбак пленяется ее словами. Ее речевая характеристика неотделима от описания ее внешней красоты.

Наличие женского персонажа в поэме в большей мере представлено портретом, поскольку это оказывается существенным для восприятия этого образа¹⁵. Однако при всех достоинствах морская дева страдает от одиночества, нуждается в друге, ее тревожат судьбы людей:

«В эту полночь мое сердце, о человек, ты освободил от тоски, <...>
 р и всем несравненном величии (а мой удел в моей морской стране) <...>
 Горечь одиночества
Терзает мое сердце, <...>
 Тот, кто разрубит этой узел, – это ты. <...>
 Вся пронизана болью.
 Мне больно, об этом я и говорю;
 Как в этом брэнном мире
 Неистребимы страдания людей» [10, с. 64–67] (выделено нами. – А. К.).

Портретная характеристика собеседника морской красавицы, рыбака (*māhigir* [Там же, с. 28] или *mowlā-mard* [Там же, с. 17, 74]) по имени Манели (*Māneli*, [Там же, с. 32]), гораздо менее детализирована. Хотя на внешности мужчины следы возраста и тяжелого труда, морская дева считает его красивым:

[Рыбак:]
 «Из-за тяжелого труда опали волосы с моей головы,
 Ударом нищеты смерть каждый день стучится ко мне в дверь». <...>
 [Морская дева:]
 Ах! Твоя красота
 Всех прекраснее!
 р и всем твоим возрасте

Ты всех моложе!» [Там же, с. 33, 65–66, 69].

Персонаж рыбака вводится автором также через указание имени, рода занятий, а также через изображение его действий и его слов. Отправившись на промысел, бедный рыбак посреди мрачного моря запекает песню, чем невольно и призывает морскую деву. Действие поэмы происходит на фоне ночного пейзажа. Появлению красавицы предшествует изменение в природе, в котором морская тишь сменяется штормом:

«Тихим было море...
 Бедный мужичок, друг зловещей ночи,
 Следуя [зову] своего скорбящего сердца,
 В пустыне (*xalvat* букв. ‘уединении’. – А. К.) бескрайних вод пел:
 „Эй, красавица, красавица!..“ <...>
 В ночи при неясном свете луны <...>
 о днялся ветер, раскинув во все стороны свои поводы,
 Леденящий ужас, исходящий из морских глубин,
 в его голове
 о степенно спутал мысли ревом и шумом. <...>
 „Горе мне, горе мне, несчастному!
 Кто защитит меня посреди такой ночи?“ <...>
 Его помыслы и усилия состояли в том, чтобы лодка
 Унесла его куда-нибудь.
 Туда, где он спасется от смуты волн.
 И он ведом прекрасной и незнакомой грезой (*xīyūā*)» [Там же, с. 18–20, 23–24].

Мужской персонаж поддается смятению, описанному автором с помощью ряда психологических характеристик. Эмоциональное состояние героя, связанное с переживанием удара стихии, обусловлено и его внутренним кризисом из-за бедственного материального положения. В подавленном состоянии он оказывается восприимчив к уловкам сладкоречивой девы:

«Он распрявил согбенный стан,
 Сказал себе: „о чему у меня путаются мысли, <...>
 о чему я поддался ее речам,
 Соблазнительны слова женщин.
 Ночь, и в пляске устрашающих волн
 Такой, как она, смутьянке, немудрено и поддаться.
 Если море на меня разгневется,
 Я потеряю работу, которая меня кормит“» [Там же, с. 52].

Спор рыбака и морской красавицы: ради чего живет человек?

Нетрудно заметить, что характеры персонажей логично дополняют друг друга. Система персонажей выстроена автором таким образом,

¹⁴ В творчестве Нима Юшиджа подобным свойством обладает также другой мифологический персонаж – птица Феникс. См.: [20].

¹⁵ о подразумевается мотив очарования портретом, который довольно частотен в персидском любовно-романическом эпосе. См., напр.: [21].

что те вступают в непосредственное речевое общение (диалог). С точки зрения техники вся поэма выдержана в духе поэтики «свободного *'аруза*», благодаря чему разговор героев звучит на «естественном», а не на «искусственном» языке. В этом Нима Юшидж видит реализацию формальной стороны своей творческой стратегии:

«Будет ли моя особая манера (*sive-ye maxsus*)¹⁶ оправданной или нет, окажусь ли я первым человеком, кто прибегнет к ней на персидском языке. о лагаю, интерес привлекают работы других, а не мои. <...> Если же я привлеку к себе интерес, то именно потому, что я показал, каков я и как я ощущаю свое время. о крайней мере, мое преимущество в том, что я отказался от внешней искусственности [языка]. Меня более всего затронул смысл этой истории, и я был озабочен, как выразить этот смысл в словах» [10, с. 1–2].

Спор (*муназара*) между рыбаком и морской девой идейно близок форме обмена монологами (в письмах или при очной встрече) между влюбленными героями классических персидских любовно-романических поэм, например «Вис и Рамин» Гургани (XI в.) и «Хусрав и Ширин» Низами¹⁷. Но если герои классических поэм рассуждают о сущности и законах любви, то спор рыбака и морской девы идет о столкновении противоречивых стремлений человеческой природы. В уста персонажей вложен конфликт точек зрения, и их разногласия касаются приверженности человека суете мирской, в которую он погружен, обеспечивая свои материальные потребности и забывая о духовном. Смысл диалога формирует устойчивую философскую доминанту поэмы, хотя разговор не лишен любовных составляющих. В этом состоит отличие спора героев «Манели» от обмена монологами в классических любовных поэмах:

Рыбак:	Морская красавица:
«Работа моя – ловля рыбы. И надежда моя – скромный хлеб насущный. Всю жизнь я тщетно плавал по волнам! Несчастнее меня судьбой нет никого, В мире, где приходится жить, вкушая кровь собственного сердца. <...> Несчастнее меня судьбой нет никого...»	«В мире, где, по-твоему, „приходится жить, вкушая кровь собственного сердца“, <...> Я – та, кто тебе поможет. Что за мысль тебя вела по этой тщетной тропе в пучину? <...> Никто не может, о бедный человек, Увидеть меня так, как увидел ты, Добраться до меня так,

¹⁶ Концепт «особая манера» ассоциируется с «индийским стилем» в истории персидской литературы. См. подр.: [22].

¹⁷ См. подр.: [23], [24].

Забот у меня больше, чем у любого другого, И при этом я слаб и немощен, и из всех Мне достается меньшая доля... Стал я не по годам стар, <...> Тяжкий труд изнурил мое тело, Работа источила меня, как напильник. Иссохло мое тело, Истерлись мои кости. <...> Ничего у меня не выходит. Нет во мне больше жизни, Чтобы куда-то стремиться!»	как сумел ты, и обрести со мной покой. <...> Дела мирские – это не то, что можно довести до конца. В путь направь свою мысль, уе разменивай свою жизнь попусту! <...> Ты из тех, кто стремится обрести вышний мир, Но ничего не пришло к тебе в руки само. Что может быть лучше, когда другой мир В тебе обнаружит смысл И в тебе найдет опору?»
[10, с. 26–27, 61].	[10, с. 28–29, 31, 44].

оскольку морская красавица предстает как потустороннее существо, ее можно охарактеризовать как своего рода альтер-эго героя, которое он должен принять. В репликах героини отчасти представлена внутренняя речь героя, отражающая ход его психологических процессов (подобно модернистскому «поток сознания»). С одной стороны, он привязан к своему рыбацкому ремеслу, приносящему пропитание, с другой – ищет освобождения из западни безрадостного существования. Углубленный психологизм отличает поэму Нима от японского оригинала и прозаического пересказа Хедаята:

«Я такова, что несу скрытую надежду.
Узри, я была словом, а теперь и мой слух
Внял тому, что говоришь ты.
И то слово было правдой:
Через нашу жизнь пролегает дорога
От явного к незримому.
Жизнь требует
Всего этого тайного.
Или у тебя останется лишь тело,
Или твое тело обретет душу» [Там же, с. 62–63].

Сходную художественную стратегию столкновения двух точек зрения Нима Юшидж опробовал уже в поэме «Афсане» (1922). Концептуальная связь пары «Рыбак – Русалка» с парой «Влюбленный – Афсане» (имя которой переводится как *'сказка, мечта'*) отражает процесс самопознания героя через разговор с самим собою, и эта особенность помещает весь текст в рамки

неосуфийского дискурса¹⁸. Исканья подлинного смысла жизни можно считать «рудиментами» мистического мировосприятия, воплощенного как в суфийской, так и в японской дзен-буддистской доктрине. Альтер-эго и в «Афсане», и в «Манели» представлено женским началом. Героиням как музам-вдохновительницам ведомы сокровенные тайны души поэта, что отражено в их речах:

Морская красавица:

«Все, кто приходил ко мне, смотрят лишь на себя,
Сосед похож на соседа. <...>

Вести всех созданий, что поют *газели* и *таране*¹⁹,
Что скрыты за каждой завесой,

Хороши они или плохи, слышны мне» [Там же, с. 41–42].

Афсане:

«Влюбленный! Это все были твои слова?

Можно за многими повторять!

Можно подобно клубам дыма

Оставить на небе рисунок сомнения,

Можно, подобно ночи, хранить молчание. <...>

Ступай, отправься в путь, <...>

<...> мы вместе можем

Другую картину написать в этой повести.

(Лохая или хорошая, но она будет отражать нас).

<...>

Влюбленный:

Давай вместе грустно запоем...» [2, с. 38–39, 45].

Выводы

Диалогическая форма в поэме «Манели» Нима Юшиджа предопределила ход лирического сюжета. Автор, переосмыслив событийную канву японской сказки, насытил ее философскими размышлениями о судьбе человека в мире. Персонажи не замкнуты сами в себе: они не отделены друг от друга, а образуют единую образную пару, поскольку их роль – выразить две противопоставленные грани одной и той же идеи. Очевидно, что диспут героев в поэме «Манели» опирается на традиционный жанр персидской поэзии – прения (*муназара*), а также родственную ему модель обмена монологами между влюбленными в романическом эпосе. Именно диалогическая форма, предполагающая спор, задает лирический тон, преобладающий над повествовательностью при внешнем сохранении сюжетных основ исходной истории. Таким способом автор

«нового типа» адаптировал в своем произведении заимствованные из иной традиции содержательные элементы.

Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ «Литературы стран Азии и Африки: история и современность» (номер 118/10.01.03-1, номер ЦИТИС 122041300078-8). Конфликт интересов отсутствует.

The article was written as Scientific Research of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University (project “Literature of Asian and African countries: between tradition and modernity”, number: 118/10.01.03-1, number CITYS: 122041300078-8). There is not any conflict of interests.

Список источников

1. *Жале Бади*. Нима Юшиджа – отец «новой поэзии» в Иране // р. облемы теории литературы и эстетики в странах Востока. М.: Наука, 1964. С. 319–339.

2. *Нимā Юшидж*. Афсане / ред. и предисл. А. Шамлу. Тегеран: ‘Али-Акбар, 1329 (1950). 45 с. (на перс. яз.)

3. *Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.

4. *Кляшторина В. Б.* «Новая поэзия» в Иране. М.: Наука, 1975. 255 с.

5. *Кузнецов А. А.* Легенда об Урашиме Таро и Манели (1947) Нима Юшиджа: к проблеме литературных связей // XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию С БГУ. 26–28 апреля 2023 г.: Материалы конгресса / отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. О. Бедоносцева-Кая, И. Рысаква. Сб.: Р. ХГА, 2023. С. 617–619.

6. *Хамидиян С.* Дастан-е дегардиси: раванд-е дегаргунихā-йе ше‘р-е Нима Юшиджа (История изменений: трансформация поэзии Нима Юшиджа). Тегеран: Нилуфар, 1381 (2002). 408 с. (на перс. яз.)

7. *Парастеш Ш.* Мāнели-во джостоджу-йе табāх-е арзешхā-йе мота‘али (Манели и ложный поиск высших ценностей). Ше‘р (о поэзии). 1377 (1998). № 24. С. 52–59. URL: <https://ensani.ir/fa/article/180935/> (дата обращения: 03.07.2024) (на перс. яз.).

8. *Эмāми Н., Ташаккори М., Сāлехи-Мāзандарāни М.-Р., Кешāварз-Мо‘аеди А.* Барреси-во тахлил-е манзуме-йе Мāнели-йе Нимā Юшиджа бар асās-е олгу-йе «сафар-е кахремāн»-е Джозеф Кемпел (Анализ поэмы Манели на основе паттерна «путешествие героя» Джозефа Кэмпбелла). Ше‘рпажухи (Бустāн-е адаб) (Стиховедение [Литературный сад]). 1394 (2015). № 14. С. 1–20. URL: https://jba.shirazu.ac.ir/issue_571_628.html (дата обращения: 03.07.2024) (на перс. яз.)

9. *Пурнамдāриян Т.* «Хāне-йам абри-ст»: ше‘р-е Нимā аз соннат тā таджаддод («Мой дом – в облаках»:

¹⁸ *Тасаввуф (суфизм)* – мистическое течение в исламе. О неосуфизме в творчестве Нима Юшиджа см. подр.: [25, с. 215, 218, 220].

¹⁹ *Газель* – классический жанр в персидской поэзии, структурно напоминающий сонеты. Газели генетически связаны с музыкальной традицией. *Таране* – название жанра песни. о теме см. подр.: [26].

поэзия Нима от традиции к обновлению). Тегеран: Соруш, 1377 (1998). 401 с. (на перс. яз.)

10. *Нимā Юшидж*. Мāнели / ред. и предисл. Дженнати Эгаи А. Тегеран: Сафи'-Али-шах, 1336 (1957). 82 с. (на перс. яз.)

11. *Нима Юшидж*. Маджму'е-йе кāmел-е аш'ār (о лное собрание сочинений) / сост. С. Тахбаз. Тегеран: Негах, 1371 (1992). 902 с. (на перс. яз.)

12. Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Советская Энциклопедия, 1988. 719 с.

13. *Садокова А. Р.* Японская народная сказочная проза. М.: МБА, 2021. 317 с.

14. *Чалисова Н. Ю.* Красота по-персидски. «Собеседник влюбленных» Шараф ад-Дина Рами / пер. Н. Ю. Чалисова, под науч. ред. Н. И. р игариной. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 431 с.

15. Авеста в русских переводах (1861-1996) / сост., прим. и ред. И. В. Рак. С б: «Нева» РХГИ, 1997. 480 с.

16. *Бертельс А. Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв.: слово, изображение. М.: Восточная литература РАН, 1997. 422 с.

17. Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. р озоров. М.: Наука, 1991. 315 с.

18. *Низами Гянджеви*. Искендер-наме / пер. и комм. Е. Э. Бертельс и А. К. Арендс. Баку: Элм, 1983. 588 с.

19. *Гомер*. Одиссея / пер. В. А. Жуковский. С б: Азбука, 2014. 480 с.

20. *Рейснер М. Л., Кузнецов А. А.* Генезис образа Феникса в персидской поэзии и его интерпретация в одноименном стихотворении Нима Юшиджа (1897–1960). *Ориенталистика*. 2022. № 2 (т. 5), С. 366–386.

21. *Рейснер М. Л.* Рассказ о дочери Ка'ба в поэме «Илахи-наме» Фарид ад-Дина 'Аттара: романический нарратив в мистическом контексте // *Ориенталистика*. 2020а. № 3 (т. 2). С. 470–496.

22. *Рейснер М. Л.* Визуальные образы красоты слова в персидской поэзии XVI – начала XVIII века: индийский стиль и живописание словом. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия*. 2020б. №1 (т. 23). С. 12–22.

23. *Рейснер М. Л.* «Дидактика любви»: «Десять писем» в поэме Гургани «Вис и Рамин» (XI в.) // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2012. № 2. С. 55–67.

24. *Рейснер М. Л.* Лирические вставки в персидском любовно-романическом эпосе XI–XIII вв.: генезис и жанровые функции // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2013. № 1. С. 49–61.

25. *Кузнецов А. А.* Жанр газели в поэтике Нима Юшиджа // *р облемы исторической поэтики*. 2024. № 2 (т. 22). С. 207–228.

26. *Чалисова Н. Ю.* «е хлевийские песни» в персидской классической поэзии // *Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 33: Текстология и источниковедение Востока: р облемы перевода и интерпретации. Избранные доклады: Том V / Отв. ред. выпуска Л. В. Горяева, В. Н. Настич. М.: ИВ РАН, 2022. С. 298–330.*

References

1. Zhale Badi. (1964). *Nima Yushidzh – otets “novoi poezii” v Irane* [Nima Yushij – the Father of “New Poetry” in Iran]. *Problemy teorii literatury i estetiki v stranakh Vostoka*. Pp. 319–339. Moscow, Nauka. (In Russian)

2. Nimā Yušij. (1329/1950). *Afsāne*. 45 p. Tehran, ‘Ali-Akbar Elmi. (In Persian)

3. Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grintser, P. A., Mikhailov, A. V. (1994). *Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh. Istoricheskaya poetika* [Categories of Poetics in the Change of Literature Epochs]. *Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya*. Pp. 3–38. Moscow, Nasledie. (In Russian)

4. Klyashtorina, V. B. (1975). “*Novaya poeziya*” v *Irane* [“New Poetry” in Iran]. 255 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

5. Kuznetsov, A. A. (2023). *Legenda ob Urashime Taro i Maneli (1947) Nima Yushidzha: k probleme literaturnykh svyazei* [Urashima Taro Legend and Nima Yushij’s “Maneli”(1947): The Problem of Literature Contacts]. In D’yakov N. N., Pobedonostseva Kaya. A. O., Rysakova P. I. (eds.) *XXXII Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: Rossiya i Vostok. K 300-letiyu SPbGU*. 26–28 aprelya 2023 g.: *Materialy kongressa*, pp. 617–619. St. Petersburg. RHGA. (In Russian)

6. Hamidiyān, S. (1381/2022). *Dāstān-e degardisi: ravand-e degargunihā-ye še’r-e Nimā Yušij* [History of Changes: Transformation of Nima Yushij’s Poetry]. 408 p. Tehran, Nilufar. (In Persian)

7. Parasteš, Š. (1377/1998). Māneli-vo jostojuy-e tabāh-e arzešhā-ye mota’āli [Maneli and False Search for Supreme Values]. *Še’r [Poetry]*. No. 24, pp. 52–59. URL: <https://ensani.ir/fa/article/180935/-فالی-چوستجویتبناه-ارزش‌های‌سبحالی> (accessed: 03.07.2024). (In Persian)

8. Emāmi, N., Tashakkori, M., Sālehi-Māzandarāni, M.-R., Kešāvarz-Mo’ayedi, A. (1394/2015). *Barresi-vo taxlil-e manzume-ye Māneli-ye Nimā Yušij bar asās-e olgu-ye “safar-e qahremān”-e Jozef Kempel* [Analysis of the Poem “Maneli” on the Joseph Campbell’s Pattern of “Hero Adventure”]. *Še’rpažuhi: Bustān-e adab*. [Verse Studies: Literature Garden], No. 14, pp. 1–20. URL: https://jba.shirazu.ac.ir/issue_571_628.html (accessed: 03.07.2024). (In Persian)

9. Purnāmdāriyān, T. (1377/1998). ‘*Xāne-yam abrist*’: *še’r-e Nimā az sonnat tā tajaddod* [“My House Is Cloudy”: Nima’s Poetry from Tradition to Modernity]. 401 p. Tehran, Soruš. (In Persian)

10. Nimā Yušij (1336/1957). *Māneli*. 82 p. Tehran, Safi’-Ali-Shah. (In Persian)

11. Nimā Yušij (1371/1992). *Majmu’e-ye kāmел-е аш’ār* [Complete Collection of Works]. 902 p. Tehran, Negah. (In Persian)

12. Tokarev, S. A. (ed.) (1988). *Mify narodov mira: entsiklopediya* [Myths of World Nations: An Encyclopedia]. T. 2. 719 p. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russian)

13. Sadokova, A. R. (2021). *Yaponskaya narodnaya skazochnaya proza* [Japanese Folk Fairy Tale Prose]. 317 p. Moscow, MBA. (In Russian)
14. Chalisova, N. Yu. (2021). *Krasota po-persidski. "Sobesednik vlyublennykh" Sharaf ad-Dina Rami* [Beauty in Persian. "The Companion of Lovers" by Sharaf al-Din Rami]. 431 p. Moscow, izd. Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian)
15. Rak, I. V. (ed.) (1997). *Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [Avesta in Russian Translations, 1861–1996]. 480 p. St. Petersburg, "Neva". (In Russian)
16. Bertel's, A. E. (1997). *Khudozhestvennyi obraz v iskusstve Irana IX-XV vv.: slovo, izobrazhenie* [Artistic Image in Iran's Art of the 9th–15th Centuries: Word and Picture]. 422 p. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. (In Russian)
17. Prozorov, S. M. (ed.) (1991). *Islam: Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: An Encyclopedia]. 315 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
18. Nizami Gyandzhevi. (1983). *Iskender-nameh* [Iskender-name]. 588 p. Baku, Elm. (In Russian)
19. Homer. (2014). *Odisseya* [Odyssey]. 480 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)
20. Reisner, M. L. & Kuznetsov, A. A. (2020). *Genezis obraza Feniksa v persidskoi poezii i ego interpretatsiya v odnoimennom stikhotvorenii Nima Yushidzha (1897–1960)* [The Genesis of the Phoenix Image in Persian Poetry and Its Interpretation in Nima Yushij's (1897–1960) Same-Named Poem]. *Orientalistika*. No. 2 (vol. 5), pp. 366–386. (In Russian)
21. Reisner, M. L. (2020). *Rasskaz o docheri Ka'ba v poeme "Ilakhi-name" Farid ad-Dina 'Attara: romanicheskii narrativ v misticheskom kontekste* [The Story of Ka'ba's Daughter in Farid al-Din 'Attar's Poem 'Ilahi-nameh': A Novelistic Narrative in a Mystical Context]. *Orientalistika*. No. 3 (vol. 2), pp. 470–496. (In Russian)
22. Reisner, M. L. (2020). *Vizual'nye obrazy krasoty slova v persidskoi poezii XVI – nachala XVIII veka: indiiskii stil' i zhivopisanie slovom* [Visual Images of Word Beauty in Persian Poetry of the 16th and Early 18th Centuries: Indian Style and Word Painting]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya Filosofiya*. No. 1 (vol. 23), pp. 12–22. (In Russian)
23. Reisner, M. L. (2012). "Didaktika lyubvi": "Desyat' pisem" v poeme Gurgani "Vis i Ramin" (XI v.) ["Love Didactics": "Ten Letters" in Gurgani's Poem 'Vis and Ramin' the 14th Cent.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. No. 2, pp. 55–67. (In Russian)
24. Reisner, M. L. (2013). *Liricheskie vstavki v persidskom lyubovno-romanicheskom epose XI-XIII vv.: genezis i zhanrovye funktsii* [Lyrical Inserts in Persian Love-Romance Epic of the 11th–13th Centuries: Genesis and Genre Functions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. No. 1, pp. 49–61. (In Russian)
25. Kuznetsov, A. A. (2024). *Zhanr gazeli v poetike Nima Yushidzha* [Ghazal Genre in Nima Yushij's Poetics]. *Problemy istoricheskoi poetiki*. No. 2 (vol. 22), pp. 207–228. (In Russian)
26. Chalisova, N. Yu. (2022). "Pekhleviiskie pesni" v persidskoi klassicheskoi poezii ["Pahlavi Songs" in Persian Classic Poetry]. Goryaeva L. V. & Nastich V. N. (eds.) *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vypusk 33: Tekstologiya i istochnikovedenie Vostoka: Problemy perevoda i interpretatsii. Izbrannye doklady: Tom V*, pp. 298–330. Moscow, IV RAN. (In Russian)

The article was submitted on 28.08.2024
о ступила в редакцию 28.08.2024

Кузнецов Алексей Анатольевич,
аспирант,
Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
125009, Россия, Москва,
Моховая, 11 с. 1.
kuznecovaa@my.msu.ru

Kuznetsov Alexei Anatolievich,
graduate student,
Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University,
11 Mokhovaya Str.,
Moscow, 125009, Russian Federation.
kuznecovaa@my.msu.ru